

Grom of the Sky

*Коршун
Илья Корпушов*

Илья Коршун Корпушов

Grom of the Sky

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72281239

ISBN 9785006768666

Аннотация

«Grom Of The Sky» – даже в громе есть тишина. А в небе – бесконечность, принявшая боль и подарившая нам звезды. Гром – милый, симпатичный парнишка, который искусно играет на гитаре. Круглые очки и аккуратная внешность. Искренность и открытость играют злую шутку с ним. Эта книга – о свете в бездне. Гром не совершал подвигов, не менял историю. Его сила – в стойкости души, которая, как небо, вмещает и грозы, и радугу. В мире, где жестокость – «норма», его мягкость была бунтом.

Содержание

Атмосфера души	5
Раскат Любви	11
Его зовут Гром	11
Но они не видели неба после грозы	11
Первая Вспышка	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Grom of the Sky

Илья Коршун Корпушов

© Илья Коршун Корпушов, 2025

ISBN 978-5-0067-6866-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Атмосфера души

Представьте небо перед бурей. Не просто серое полотно, а наэлектризованное пространство. Воздух густеет, становится ощутимо тяжелым, словно пропитанным невысказанным. Кажется, дышишь не кислородом, а натянутой струной, готовой лопнуть. Это тишина перед раскатом. Но тишина особого рода – звенящая, напряженная до дрожи. Она не пуста. Она – сгусток ожидания, предчувствие силы, что вот-вот высвободится из невидимых недр. Это не покой. Это тишина-предупреждение, тишина-накопление.

И вот она – **Вспышка. Молния.** Внезапная, ослепительная, разрезающая тьму одним резким, безжалостным зигзагом. Это мгновение абсолютной ясности, обнажающее все контуры мира в белом, беспощадном свете. Она прожигает небо, оставляя после себя не только световое эхо на сетчатке, но и ощущение разряда, снятия невыносимого напряжения. Вспышка – это взгляд гнева, жест решимости, озарение боли, вырвавшееся наружу. Она – видимый знак невидимой мощи.

Но истинный голос бури – это **Гром. Раскат.** Он приходит не сразу после вспышки. Есть миг – тот самый звенящий вакуум, когда мир застывает, оглушенный яркостью. А потом... Потом приходит звук. Сначала – отдаленный, глухой гул, будто скатывается по склону далекой горы огромный

камень. Он нарастает, превращаясь в оглушительный треск, в грохот, сотрясающий землю и воздух. Это не просто шум. Это голос силы, рожденный в недрах атмосферного столкновения. **Раскат** – это эхо удара, волна энергии, распространяющаяся от эпицентра конфликта. Он несется, рвется, ломает тишину, заявляя о своей неоспоримой мощи. Его слышат. Его боятся. Им восхищаются. Он кажется первобытным и разрушительным.

Однако те, кто слышит только грохот, видят лишь половину правды. Истинная суть раската – не в разрушении, а в очищении. Он – физическое выражение той самой накопленной тяжести, ее катарсис. Он выбивает застоявшийся, спертый воздух. Он встряхивает мир. И после него, после последнего, затухающего эха, наступает не хаос.

Наступает **Тишина После Раската**. Совершенно иная. Не та, звенящая и гнетущая предчувствие, а хрупкая, дрожащая, почти невыносимо чистая. Воздух вымыт, напоен запахом озона и мокрой земли. Небо, только что разорванное молниями и сотрясаемое грохотом, раскрывается. Оно становится огромным, глубоким, бескрайним. В этой тишине слышно, как падает капля с листа, как стучит сердце. Она обнажает мир, делая его уязвимым и прекрасным, как молодая трава после ливня. Это тишина принятия, тишина восстановления, тишина бесконечности, которая все вместила и все пережила.

А затем приходит **Дождь. Ливень**. Сначала редкие, тя-

желые капли, стучащие по крышам, как первые слезы облегчения. Потом – сплошная стена воды, льющийся поток, смывающий пыль, копоть, налет повседневности. Он не всегда ласков. Он может быть холодным, пробирающим до костей, беспощадным в своем напоре. Но он – необходим. Он питает иссохшую землю. Он охлаждает раскаленные камни. Он заливает трещины, превращая их во временные ручьи. Ливень – это катарсис в действии, физическое воплощение освобождения, слезы, омывающие душу. Он несет не разрушение, а обновление.

И как небо, так и человеческая душа знает свои бури.

Тяжесть перед раскатом – это накопленная боль, невысказанная обида, гнетущая несправедливость, сжимающая грудь и парализующая дыхание. Это внутреннее напряжение, готовое вот-вот прорваться. Вспышка (Молния) – это внезапный гнев, яркое прозрение, решительный поступок, вскрик души, разрывающий покровы. Это обнажение нерва, мгновенное и ослепительное.

Раскат Грома – это голос этой силы. Это последствия высказанного, эмоциональная волна, идущая от сердца. Это мощь чувства, которая может устрашать или восхищать, но которая неоспоримо реальна. Это не просто шум – это энергия, высвобождение, заявление о своем существовании.

Тишина После Раската – это хрупкая ясность, наступающая после бури чувств. Это обнаженная душа, уязвимая,

дрожащая, но невероятно чистая. Это глубина, открывающаяся после снятия напряжения, бескрайнее внутреннее пространство, способное вместить все – и боль, и покой. Это момент понимания и принятия.

Ливень (Дождь) – это слезы, катарсис, очищение. Это поток чувств, смывающий наносное, исцеляющий ожоги молний, питающий иссохшие участки души. Он может быть горьким и холодным, но он несет жизнь и обновление.

Гром Небес – это не просто удар. Это весь цикл. Это душа, способная к накоплению напряжения (тяжесть), к вспышкам яркости и силы (молния), к мощному выражению своей сути (раскат), к хрупкому и глубокому принятию (тишина после) и к очищающему обновлению (ливень). Это душа, как небо после грозы: пережившая бурю, вымытая дочиста, обнаженная в своей истине и бесконечно глубокая в своей способности вмещать и возрождаться. Его сила – не только в грохоте, но и в той тихой, звонкой, бескрайней ясности, что наступает, когда последнее эхо раската растворяется в просторах его внутреннего неба.

Но как описать саму эту душу?

Представьте молодого человека по имени Гром. Не богатыря, а парнишку в круглых очках, с аккуратной внешностью, за которой бушует континент чувств. Его душа – это не гладкое озеро, а первозданный, чувствительный ландшафт. Глубокие каньоны невысказанной боли, острые скалы гнева, скрывающие нежные родники ранимости, и бес-

крайние равнины тишины, где рождается странная, щемящая красота. Он чувствует слишком – слишком глубоко, слишком остро, слишком искренне для мира, предпочитающего поверхностные всполохи. Его искренность и открытость, эта его «слишком», часто играют с ним злую шутку, делая уязвимым мишенью для непонимания и жестокости.

И вот его спасение, его голос, его единственный истинный переводчик – гитара. Не просто инструмент, а продолжение его нервной системы, живой мост между внутренней бурей и внешним миром. Когда пальцы Грома касаются струн, происходит чудо алхимии. Накопленная тяжесть в груди становится гулом аккордов – не хаотичным, а направленным, как раскат грома по его воле. Вспышка ярости или боли преломляется в ослепительной, пронзительной ноте соло, прожигающей тишину не разрушением, а обнажением правды. А та самая хрупкая нежность, та «травка после ливня», что прячется за стальными стенами его крепости, обретает голос в дрожащем бенде, в протяжной мелодии, которая заставляет сжиматься сердце от узнавания.

Через гитару Гром говорит на языке, который не может исказить ложь. Его песни – это не развлечение, а сырые, открытые вены откровений, где его душа лежит обнаженной. В грохоте рифов – его ярость против жестокости мира. В чистоте акустических переливов – его тоска по пониманию. В звенящей тишине между аккордами – та самая бескрайняя ясность после бури, его самая сокровенная и уязвимая суть.

Гитара для него – это Царство Струн, параллельная вселенная, где его «слишком» – не изъян, а корона, где его ранимость – не слабость, а источник невероятной силы звука, где он – не изгой, а *Повелитель Собственных Небес*.

Хотите заглянуть в такую душу? Услышать, как боль превращается в красоту, как грохот аккордов обволакивает невысказанную нежность, как тишина между нотами может быть громче любого крика? Эта книга – ваш пропуск в мир Грома Небес. Мир, где сила духа измеряется не отсутствием ран, а умением носить их как украшения, где гитара – это не просто дерево и струны, а ключ к бесконечности внутри обычного парня с круглыми очками, чья главная битва – и главная победа – это битва за право быть собой. Прислушайтесь. Сквозь грохот аккордов вы услышите биение самого важного сердца. Познакомьтесь с настоящим Громом.

Раскат Любви

Его зовут Гром

Прозвище прилипло, как удар молнии к сосне – внезапно, неотвратно, оставив след. Гром. Оно говорило о силе, что виделась окружающим: в резком повороте плеч, во взгляде, способном обрушить небо, в тишине, что звенящей тяжестью нависла перед бурей его гнева или решимости. Он был Юностью, обернутой в кожу и сталь духа, ходячей стихией, чьи шаги отдавались раскатами в тихих коридорах обычной жизни.

Они видели мощь. Они слышали грохот. Они чувствовали ту самую первобытную силу, что заставляла одних замирать в восхищении, а других – в страхе отшатнуться. «Гром с небес» – так шептались за его спиной, рисуя образ небожителя-одиночки, недоступного и непостижимого.

Но они не видели неба после грозы

Они не знали тишины, что наступала за раскатом, – тишины, полной хрупкой, почти невыносимой ясности. Не видели, как в этой тишине обнажалась душа, нежная и изранен-

ная, как молодая трава после ливня. Он был Громом, но громом, который нес в себе не только разрушение, но и очищение. Громом, чья ярость часто была лишь щитом для той бездонной ранимости, что таилась в сердце.

Он был силен духом – это неоспоримо. Его воля была сталью, его принципы – скалой. Он выстоит там, где другие сломаются, пойдет напролом, защищая то, что дорого, с яростью небесного шторма. Эта сила была его сутью, его доспехами и его крепостью.

Но внутри крепости – не холод камня, а тепло очага.

Внутри этого юноши, носящего имя стихии, билось сердце, способное на глубочайшую нежность. Нежность, которую он берег как сокровенную тайну, которую дарил с опаской, словно боясь, что его прикосновение, подобно молнии, может опалить. Она проявлялась не в громких словах, а в молчаливом присутствии у постели больного друга, в осторожном жесте, в глубине взгляда, внезапно теряющего свою грозовую твердость. Она была той тихой гаванью, которую он искал посреди собственных бурь.

Эта книга – не просто история силы. Это история контраста. История о том, как под прозвищем «Гром» живет юноша, чья истинная мощь – не в устрашающем грохоте, а в его способности оставаться ранимым. В его праве чувствовать

глубоко и больно. В его мужестве проявлять нежность, не боясь показаться слабым. В его силе духа, которая позволяет ему не сломаться под тяжестью собственного сердца и мира вокруг.

Это история о поиске равновесия между небесной яростью и земной теплотой. О том, как быть Громом и при этом – просто человеком. Юным. Чувствующим. Ранимым, нежным и духом сильным.

Откройте эти страницы. Прислушайтесь не только к раскатам, но и к тишине между ними. Услышьте биение того самого сердца. Познакомьтесь с настоящим Громом.

Первая Вспышка

Жизнь Грома после школы стала гитарным гулким эхом в пустых коридорах его маленькой квартиры. Университет казался лишь новой, более шумной клеткой, где его прозвище обрело новую жизнь, но глубина его оставалась невидимой. Он играл – на крыльцах общежитий, в душных кафешках, где дым застилал тусклый свет, словно пелена перед грозой. Играл, и звуки гитары были его истинным голосом – голосом, где грохот аккордов обволакивал невысказанную нежность мелодии, а слова песен, его собственных, как открытые вены, лились тихой кровью откровений.

Именно там, в полумраке одного такого кафе, под названием «Статика», Она нашла его. Та, что ударила как первая вспышка. Потому что Она явилась внезапно, ослепительно, оставив после себя не пепел, а нестерпимое жжение в груди и странную, звенящую пустоту в ушах, будто после близкого раската. Она появилась не из его мира тишины после грозы, а словно сгусток самой бури, обернутый в смех и дерзкий блеск глаз.

Она слушала. Не просто слышала музыку, а слушала. Ее взгляд, острый и цепкий, не скользил по поверхности его круглых очков или гитары, а, казалось, пытался проникнуть

сквозь стальные стены его крепости, туда, где теплился тот самый сокровенный очаг. После выступления Она подошла первой. Не с восторженным визгом, а с тихим: «Твоя тишина... между аккордами... она громче самой музыки. Как ты это делаешь?»

Эти слова стали первой трещиной. Не в его доспехах – в них он был все еще непоколебим. Трещиной в самой двери крепости. Гром, привыкший, что его силу видят в грохоте, а нежность принимают за слабость или вовсе не замечают, был ошеломлен. Ее слова попали точно в цель – в ту самую тишину после раската, в ту хрупкую ясность, где и жила его ранимая суть. Он осторожно, как дикого зверька, подпустил Ее ближе. Она стала его Первой Вспышкой. Потому что осветила его изнутри.

Началось с разговоров, долгих и нервных, как натянутая струна. Он говорил Ей о звездах, рожденных из боли неба, о музыке как единственном языке, способном выразить то, что словами – лишь ранить или исказить. Она говорила о свободе, о бунте против серости, о жаре, который сжигал все на своем пути. Ее бунт был внешним, яростным, как ураган. Его бунт – внутренним, тихим бунтом нежности против всеобщей жестокости. Казалось, они – две половинки одной стихии: гром и молния, неразделимые.

Он доверил Ей свою самую сокровенную тайну – тетрадь со стихами. Не песнями для сцены, а сырыми, незащищенными строчками, где его душа лежала обнаженной, как та молодая трава после ливня. Стихи о страхе быть непонятым, о боли одиночества «по любви», о ярости, которая лишь маскирует желание быть просто принятым, о нежности, которая так пугает своей хрупкостью. Он вручил Ей тетрадь с руками, дрожащими сильнее, чем перед самым сильным ударом по струнам. Это был не просто жест доверия – это было полное разоружение. Он открыл ворота своей крепости, зная о риске, но веря в очистительную силу этой Вспышки.

Она прочитала. При нем. Он видел, как менялось Ее лицо: от любопытства к сосредоточенности, потом к легкому недоумению, и наконец – к смутной, но читаемой усталости. Она закрыла тетрадь, не дочитав до конца. Улыбка на Ее губах была уже не той, ослепительной, а натянутой, вежливой.

«Гром... Это... очень глубоко. Очень... честно,» – сказала Она, и в Ее голосе не было восхищения, а была какая-то неловкость, словно Она наступила во что-то липкое. – «Но это же... так тяжело. Вся эта боль, эта ранимость... Разве нельзя просто... жить? Легче? Веселее? Твоя музыка – она сильная! А это...» – Она слегка ткнула пальцем в обложку тетради, – «...это слишком... это слишком.»

В этот момент не грянул гром. Наступила та самая, звенящая тишина после раската. Но вместо хрупкой ясности в ней была ледяная пустота. Его «слишком» оказалось Ее «недостаточно». Его глубина – Ее мелководьем. Его откровенность, его дарованная с опаской нежность – непосильной ношей, «слишком много» для Ее жажды легкого огня.

Жестокость любви Грома началась не с измены или громкого скандала. Она началась с этого тихого, вежливого отшатывания. С того, что его самое ценное, его обнаженная душа на бумаге, была отвергнута не со злобой, а со скупающей усталостью, как нечто обременительное и чуждое. Та Первая Вспышка, осветившая его изнутри, испугалась того, что увидела – не силы грозы, а уязвимую сырость земли после дождя. Она хотела только вспышку, только грохот, только внешний бунт. Не тишину после, не нежность, не боль.

Он взял тетрадь обратно. Руки больше не дрожали. Они были холодными и каменными. «Понятно,» – сказал он, и его голос был ровным, как поверхность озера перед смерчем. Никакой ярости. Только та самая «звенящая тяжесть» перед бурей, о которой говорили все, кто боялся его гнева. Но буря была не снаружи. Она бушевала внутри крепости, сметая теплый очаг, оставляя после себя пепелище стыда и горького прозрения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.